

ИНАЧЕ, ЧЕМ ВСЕ...

Еще при жизни имя Высоцкого стало легендарным, а его песни — не просто приметой времени (как анекдоты о генсеке), но мерилом гражданского мужества. Единицы публично голосовали против развитого маразма, миллионы слушали магнитоленты с песнями Владимира Высоцкого.

...Надцатую перезапись, где и слов-то практически не разобрать — слушали.

Что-то воздуху мне
мало: ветер пью,
туман глотаю...
Чую с гибельным
восторгом:
пропадаю, пропадаю!
(«Кони привередливые»)

25 июля 1980 года Владимира Высоцкого не стало. Сквозь треск и утробный вой глушилок «забугорные голоса» донесли эту поначалу невероятную весть.

Трудно пересказать, что творилось в те дни в олимпийской Москве. Очевидцы свидетельствуют о тысячах и тысячах людей, стоящих на солнцепеке, чтобы проститься с Высоцким. Траурная процессия от театра до Ваганьковского кладбища проходила буквально в людском коридоре. Люди стояли даже на крышах зданий...

Недавно на израильском радио была сделана пятичасовая программа о советских бардах: по часу Булату Окуджаве и Александру Галичу, три — Высоцкому. После выхода передачи в эфир в редакцию потоком хлынули звонки и письма с просьбой о повторе. Причем, помимо выходцев из СССР, зачастую обращались не знающие русского языка радиослушатели. Что побудило их к этому?

Несмотря на обилие ме-
муаров, серьезных и не

очень исследований и эссе, вопросительный знак над феноменом Высоцкого пока не снят.

Одни безоговорочно ставят творчество Высоцкого вровень с пушкинским, другие столь же категорично причисляют его к массовой культуре. Как это ни парадоксально, но, мне кажется, сам Владимир Высоцкий косвенно предвидел подобную ситуацию:

Так-так, мое обычное
лицо
все остальные приняли
за маску.
(«Маски»).

Рискую вызвать кро-
мешное негодование совре-
менных фанов, однако я
бы не назвал Высоцкого
поэтом в узком смысле
данного слова. Еще мень-
ше оснований, по-моему,
отнести его — в отличие
от легиона эпитонов — к
бардам. И хотя черты обо-
их понятий слишком отчет-
ливы, но...

Наталья Крымова вспо-
минает: «Когда на наших
глазах играл и пел Вы-
соцкий, мы видели, как те-
лесную оболочку стремит-
ся разорвать человеческий
голос. Вблизи это зрелище
было почти страшным. А
издали, из последних рядов
зрительного зала, оно ка-
залось вообще нереальным
— какой-то невесомый ко-
мочек тела, быстрая звери-
ная легкость поступи и
вместе с тем устремляю-
щая мощная сила звука. В этом
голосе можно было рас-
слышать лязг металла,
скрежет тормозов, торже-
ственный трубный звук и
предсмертный стон — все,
что в бою звучит вокруг
человека и внутри его...
Этот бой, эта сверхнапря-
женная непрекращающаяся
работа над собой и была
главной тайной человече-
ского излучения Высоцкого».

Иногда читаешь «с лис-

та» тексты Высоцкого, ни-
как не можешь воспринять
их вне его голоса. Не ду-
маю, что это дефект субъ-
ективного восприятия.

Как некогда с появлени-
ем книги возникли лите-
раторы, так и с появлени-
ем магнитописи возникла
совершенно новая, не
побоясь сказать, отрасль
искусства, ярчайшим пред-
ставителем которой сужде-
но было стать Владимиру
Высоцкому.

Я скачу, но я скачу
иначе —
по камням, по лужам,
по росе...
Говорят: он иноходью
скачет,
это значит — иначе,
чем все.
(«Бег иноходца»).

В чем же «инаковость»?
Ответ дает художник Ми-
хаил Шемякин: «...предель-
но честен».

Сам Высоцкий в обраще-
нии к аудитории формули-
ровал это чуть иначе: «...и
точно так же вам, как и
мне, рвут душу и скребут
по нервам несправедливо-
сти и горе людское...».

И если сегодня, через де-
сятилетие по смерти, пла-
стинки и книги Владимира
Семеновича Высоцкого
расходятся небывалыми
тиражами, значит, его ге-
рой еще нужны. Значит,
вопреки волне духовной
проституции жива в чело-
веках тяга к правде, к че-
стности перед собой.

А без нее — до конца, до
предела — нет голоса Вы-
соцкого.

И сегодня другой без
страховки идет.
Тонкий шнур под ногой
— упадет, пропадет!..
Но зачем-то ему тоже
нужно пройти
четыре четверти пути...
(«Канатоходец»).

О. СЕРЕБРЯКОВ.

Рисунки Михаила Шемякина.

«Я СЛУШАЮ ЕГО ПЕСНИ»

Макико Окуда

У нас в Японии есть пла-
стинки Высоцкого, выпущен-
ные фирмой «Мелодия», и
еще 25 песен на компакт-
диске с переводами его
текстов.

В магазине среди многих
тысяч дисков я нашла
только два из России — на
одном была фольклорная
музыка, на другом — его
песни.

Японцам очень трудно по-
нять и сразу полюбить его
песни. Из зарубежной му-
зыки у нас предпочитают
американскую, потому что
наиболее с ней знакомы:
изысканный джаз, утончен-
ный блюз, разнообразные
отборные роковые компози-
ции... И на фоне этого его
дикий и сильный крик, со-

проводжаемый простейши-
ми гитарными аккордами,
поначалу выглядит доволь-
но странно. Показательно в
этом смысле использование
его песни одной компанией
для рекламы одежды. Эту
рекламу последнее время
довольно часто прокручива-
ют по телевидению. Как я
понимаю, песню выбрали,
поскольку она, как и новый
предлагаемый стиль, несет в
себе необычность, силу, эк-
зотику.

Я тоже воспринимала Вы-
соцкого поверхностно, но
после десяти месяцев пре-
бывания в СССР, когда я
видела те же пейзажи, ко-
торые видел или мог ви-
деть он, встретила, позна-
комилась, узнала множество

разных людей, пообщалась
с ними, побывала советской
женщиной, обычной совет-
ской женой, я могу сказать,
что его песни по-своему не
имеют себе равных, это бес-
прецедентная литература.

Его обаяние сложное, это
потусторонний лиризм, оно
выше искусственного уровня
поэзии. Его песни — это чи-
стые призывы, апелляции к
обычной прозрачной правде,
которую мы в своей повсе-
дневности часто не замеча-
ем. Это человечность и ши-
рокое понимание жизни. Иногда это чувство справед-
ливости можно назвать
юным и полным романтич-
ных надежд. И в то же вре-
мя — лаконичность и прос-
тота познавшего жизнь че-

И сегодня то же
В высоте, в голубизне

Свист да крик
Выстрелы да молитвы

Вечным нержавеющей голосом
Заплету твои волосы, что
благоухают в полях
По небу нарежу правду
Не сморщу на лбу короткую
жизнь
Владимир Высоцкий!

ловека. Он был одним из
детей времени страданий и
мук.

Я слушаю его песни.
Макико ОКУДА.
Токио.
(Для «Советской Эстонии»).